

Клубные встречи

Веч. клуб. — 1992 — 30 кт.

ляется. Потом, я же своей профессией с действительностью связан, а она последнее время навеивает не самые радужные настроения.

— Вспоминаю сыгранного вами декабриста Пестеля в «Звезде пленительного счастья», комиссара Кунгурова в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих», боксера в ленте «Ринг», и невольно напрашивается вопрос: как вы пришли к актерскому делу, ведь учились, насколько я знаю, в медицинском?

— Я действительно хотел быть врачом и не мечтал стать актером, но когда уже во время учебы в институте прикоснулся к этому делу, это так увлекло, что я понял — не хочу обижать никакие другие профессии — актер — самая великая профессия на свете.

— А «Ринг» был одним из первых ваших фильмов? На экране видно, что вы боксируете сами, без дублеров...

— Я вообще много занимался спортом, в том числе полгода боксом. Постановщик фильма Вилен Новак, тогда еще молодой ре-

ходиться на сцене, когда ни мое сердце, ни мой темперамент я не могу приложить. Они не подключены. Все механизировано — и я в такое творчество не верю... Меня убеждали, что театр — это команда. Я не против команды, но она должна состоять из личностей, а не из прекрасных статистов. Там в труппе есть актеры, которых вы знаете только из-за того, что они снимались в кино, а потом вы уже стали следить за их ростом в театре. А есть много талантливых актеров, которых вы не знаете и никогда не узнаете...

Жизнь показала, что я был не одинок в этих настроениях: пошла большая волна, и мы все уплыли. Хотя театр тот очень интересный, повторяю. Особенно хорош был в период становления, когда я попал в него.

— Вот у вас сейчас промелькнуло сравнение труппы со спортивной командой. А я знаю, что вы до сих пор играете в футбол в сборной «Мосфильма»...

— Да, по воскресеньям мы собираемся в

гостиница «Космос» под боком. То в темной подворотне мне кто-то в лицо кулаком засветил (я потом за ним до метро «ВДНХ» гнался, догнал — оказался пэтэушник); то у нас во дворе пожилого мужчину порезали за то, что стал выяснять — кто это там под Новым годом елку рубит; то мою машину, стоявшую под окном, начали курочить. Мы тогда с приятелем высочили, крепко поговорили с теми парнями. Без драки, хотя в чьей-то руке нож и мелькал. Разошлись вроде мирно. Но вслед потом кто-то выстрелил, да и по машине прошлись. Так что не исключено, что этот конфликт до конца не исчерпан.

— По вашим фильмам, Александр Шалвович, — и по короткометражке «Девятое мая», и по «Цензуре к памяти не допускаю» — отчетливо видно, как вы относитесь к мещанству, к тем, кто забыл и жертвы войны, и трудности, и нравственные нормы, к людям, для которых главным делом стало накопительство. А как вы относитесь к современной молодежи?

— Да совершенно нормальное явление. Я же говорил, что и у меня джаз-банд был, и сам я считался стилигой, лохматым тоже бегал. Конечно, им приятно подергаться под музыку на стадионе, но не учитывают, что эпоха теперь уже немножко другая. Ритмы другие: жизнь летит с такой скоростью, что не успеваешь уследить. А на это дерганье уходит попусту много времени. Другое дело, если ты успел за день сделать что-то глобальное, центральное в своей жизни, тогда можно и побалдеть. Так что меня в молодых ничто не пугает. Я и себя-то еще считаю молодым... Я в свой фильм, надо сказать, пригласил некоторых ребят сниматься прямо с улицы. Мне не нужно было их актерское мастерство. Я просто рассказывал им о будущем фильме, о своей гражданской — как мы это называем — позиции, просто о том, что у меня болит... и смотрел в глаза. И я находил единомышленников, с которыми можно «болеть вместе».

— Насколько знаю, сценарий «Девятого мая» по вашей идее писал Виктор Мережко, сценарий же картины «Цензуре к памяти не допускаю» уже писали сами и получили немало шишек при обсуждении его на «Мосфильме»...

— А потом послал на конкурс, объявленный «Ленфильмом», — набрался такого нахальства — и занял второе место. В принципе студия собиралась субсидировать постановку лучших сценариев, но я не стал ждать, а организовал свое творческо-производственное объединение «Родина», которое и снимало эту дорогую для меня ленту, где изложена вся горестная жизнь моей семьи. И некоторые трудовые коллективы, которым я рассказывал идею своего сценария, вложили деньги. Сценарий я действительно писал, как говорится, кровью. И — хоть я не сентиментальный человек — всплакнул, вспоминая детство и все беды. Короче, сложил туда все. И снимать старался честно. Сколько таланта у меня, может, вообще его с волосок, — это уже зрителям судить...

Беседу вел
Петр ЧЕРНЯЕВ.

Александр ПОРОХОВЩИКОВ: "Ружье не трогайте, оно заряжено. На всякий случай"

В кинотеатре «Октябрь» с большим успехом завершился ретроспективный показ работ известного актера и режиссера Александра Пороховщикова. А сегодня он — гость нашей газеты.

Таких Ромео не бывает, скажете вы. Благородный мститель — да, мудрый полководец — да, уставший от жизни философ — тоже, пожалуй. Но пылкий романтический герой?.. Однако я сижу дома у Александра Пороховщикова на проспекте Мира, и он рассказывает мне историю своей поздней, неожиданной и прекрасной любви. О молодой девушке, которая пришла в театр работать бутафором только ради того, чтобы быть ближе к нему, видеть его... В ней не было ничего от приставучих поклонниц или от влиятельных матрон, которые насильно пытались приблизить его к себе. Она просто любила его, ничего не требуя взамен. Теперь она — его жена.

Александр Пороховщиков рассказал эту историю в своей автобиографической ленте «Цензуре к памяти не допускаю», которую вот-вот должен увидеть широкий зритель. Но рассказал, тоже не выпячивая на первый план, скромно, деликатно (потому что фильм как бы о другом). И героиню сыграла его молодая жена. А героя — он сам, 53-летний актер, имеющий солидный творческий багаж за плечами, решивший испытать себя и на режиссерском поприще.

— Если бы впереди у меня было еще лет двадцать, я бы, может, и продолжал работать только актером, — поясняет Александр Шалвович этот поворот в судьбе. — Когда тебе за пятьдесят, смотришь на себя в зеркало и думаешь: вот оно уже, и скоро, рядом. Начинаешь по-другому задумываться о жизни и хочешь себя как-то проявить. А в актерской профессии я человек, зависимый от режиссеров, они наши работодатели.

— В общем-то, действительно, первое, что приходит на память, это сыгранный вами Борис Савинков в фильме «Крах», белый офицер из боевика «Ищи ветра», самый главный мафиози из той серии цикла «Следствие ведут знатоки», которая так и называлась — «Мафия», проповедующий идеи фашизма барон из «Избранных». А в театре — Вожак из «Оптимистической трагедии». Но каждый раз это отнюдь не маска «врага» или «гада». Это сильные цельные люди, у каждого из которых на душе, как мне кажется, какая-то грусть.

— Знаете, не считите, что я мудрую лукаво: просто я живу в России-матушке и считаю, что русскому народу свойственна грусть. Как бы наш человек ни смеялся, все время какие-то тоска и грусть существуют в нем. Наверное, я тоже не избежал этого, и, хотя специально я это не играю, где-то оно прояв-

жиссер, это знал — ему хотелось для большей убедительности, чтобы главный герой немножко владел боксом. И так случилось, что меня утвердили... А вообще-то меня рекомендовала в тот фильм замечательная актриса Инна Гулая, с которой судьба обошлась очень жестоко. Ее пригласили играть как раз жену главного героя. А работал я тогда в Театре сатиры.

— Честно говоря, я этот период вашего творчества не помню, но мне кажется, вы как-то не очень вписываетесь в ансамбль «Кабачка 13 стульев», который тогда, видимо, и начинался, опираясь на артистов Театра сатиры...

— Да начинал-то я с характерных ролей. Щукинскую студию кончал как комедийный актер и был приглашен в Театр сатиры. Очень большую роль в моей судьбе сыграл Марк Захаров, занявший меня в спектакле «Доходное место» по А. Островскому вместе с Анатолием Дмитриевичем Папановым и Андреем Мироновым.

— Вы играли Жадова?

— Я был назначен на Жадова, но сыграл Белогубова. Роль менее главная, но, думаю, это мне не повредило. Это был замечательный спектакль! Может быть, кто-то из зрителей его помнит. Моя роль мне казалась гигантской ролью драматического плана, которая требовала таких силы и темперамента, каких давно я уже не вижу в театре. Я старался играть не просто какого-то красивого чиновника с папочкой, а выстраивал сложный образ, используя характерность. Белогубов у меня и плакал, и мог каким-то совершенно неожиданным быть...

— Понимаю, что участие в фильмах типа боевика «Живая мишень» далеко от актерской мечты о хорошем кино, но у вас были действительно масштабные роли — грех жаловаться. Помню, тот же хороль Клавдий в «Гамлете» на Таганке, где вы работали с Высоцким и Аллой Демидовой. Кстати, меня давно мучает вопрос: почему вы ушли из Театра на Таганке?

— Вы знаете, я уходил оттуда очень болезненно. Пять лет к этому готовился. Я до сих пор страдаю, когда вижу своих товарищей по Таганке. Невольно вспоминаю то интересное, замечательное время, когда даже работать на одной сцене с таким талантливым человеком, как Володя Высоцкий, уже было немало... Но просто наступил момент — так же было и в Театре сатиры, — когда форма начинает преобладать в спектаклях. А содержание становится маленьким-маленьким. И мне становится скучно работать. Из зала, может быть, и интересно смотреть такие спектакли, но я начинаю ощущать себя просто статистом. Мне было даже оскорбительно на-

Олимпийской деревне, где студия снимает зал. Играли там и Сергей Шакуров, и Костя Райкин, Олег Янковский, когда-то покойный Толя Солоницын приходил, Никита Михалков заезжает, много артистов из театра «Кино-актер».

— Я искренне рад, что вы бегае, потому что помню, как несколько лет назад вы попали в катастрофу, ребра были поломаны, вы с палкой ходили...

— Да, автобус оказался сильнее, чем я. Он на меня наехал. Я стоял в сумерках около машины, и что-то надвигалось темное. И спасла спортивная подготовка: я успел руками самортизировать, пролетел два метра и приземлился в сугроб. А так бы просто вылетел из этой жизни. В тот день я даже спектакль отыграл: не знал, что у меня ребра сломаны.

— Ой, давайте оставим эту мрачную тему.

— А почему это мрачная тема? Это жизнь, чего уж тут мрачного?.. Вот видите, у стола ружье стоит?

— Вы, видимо, охотник? И собака у вас.

— Ружье не трогайте, оно заряжено. На всякий случай. У меня тут конфликт с местными хулиганами. Район довольно кримина-

На снимке: кадр из фильма «Звезда пленительного счастья»